

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.В.П.АСТАФЬЕВА
(КГПУ им.В.П.Астафьева)

Институт/факультет филологический
(полное наименование института/факультета)
Кафедра Кафедра мировой литературы и методики её преподавания
(полное наименование кафедры)
Специальность 050301 «Русский язык и литература»
(код ОКСО и наименование специальности)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой мировой литературы и методики её преподавания
(полное наименование кафедры)

_____ С.Г.Липнягова _____
(подпись) (И.О.Фамилия)

« _____ » _____ 2015 г.

Выпускная квалификационная работа
**ВИКТОРИАНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В РОМАНАХ ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
«КРЭНФОДР» и «СЕВЕР И ЮГ»**

Выполнил студент группы _____
(номер группы)

Дьякова Ольга Васильевна _____
(И.О.Ф.)

Форма обучения _____
(подпись, дата)
заочная

Научный руководитель

старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики её
преподавания Т.М.Никанорова

(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

_____ (подпись, дата)

Рецензент

_____ (ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

_____ (подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание.....	2
Введение.....	3
Глава I. Викторианское общество и литература.....	5
§1. Викторианская Англия.....	5
§2. Литература викторианской Англии.....	8
§3. Творчество Элизабет Гаскелл.....	11
§4. Оценка творчества Э. Гаскелл в критике.....	13
Глава II. Роман «Кренфорд» в творчестве Элизабет Гаскелл.....	19
§1. Атмосфера города.....	19
§2. Особенности матриархата.....	22
§3. Проблема социального расслоения.....	26
Глава III. Роман «Север и Юг» в творчестве Элизабет Гаскелл.....	29
§1. Роман «Север и Юг»: взгляд на современную Англию.....	29
§2. Сравнительный анализ провинции в романах Элизабет Гаскелл «Север и Юг» и «Кренфорд».....	33
Заключение.....	45
Библиография.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Сообразно волне интереса к викторианской эпохе, творчество Элизабет Гаскелл в последнее время обозначено особой популярностью среди исследователей английской литературы. Подобный интерес связан с возникшей в западной цивилизации потребностью возвратиться к идеям викторианства как представления о традиционализме, морально-нравственных устоев и философии того времени. Также популяризуется сегодня проверенные временем эмблемы и символы викторианской эпохи, как символа процветания, стабильного положения во всех социально-политических и экономических областях.

Актуальность .

Литература викторианской Англии стала основой последующих традиций литературы . Литература этой эпохи – золотой фонд английской литературы, ставший высокой классикой мировой культуры. Социальный роман – литературный архетип, рассматриваемый в качестве совокупности всех признаков викторианской эпохи. Творчество Элизабет Гаскелл в викторианской литературе реконструирует основные мотивы, сюжеты культуры и литературы викторианской Англии, упоминающие реалии времени, исторически значимые события эпохи.

Цель: исследовать своеобразие британской провинции, представленное в романах Э.Гаскелл «Крэнфорд» и «Север и Юг»

Задачи:

- исследовать особенности викторианской эпохи и литературы времен правления королевы Виктории;
- проанализировать нравы провинции в романах «Крэнфорд» и «Север и Юг»;
- сопоставить сходство и различие жизненного уклада, изображенного в романах «Крэнфорд» и «Север и Юг»;

Объект исследования: изображение в творчестве Э.Гаскелл английской провинции во времена правления королевы Виктории.

Предмет исследования: романы Элизабет Гаскелл «Крэнфорд» и «Север и Юг»

Новизна исследования: более детальное исследование провинции, отраженной в английской литературе викторианской эпохи. Несмотря на весьма широкое распространение викторианской литературы научное изучение процессов трансформации реальных социально-политических процессов в западном обществе в произведениях литературы проводилось неполно, фрагментарно. Несмотря на активное изучение викторианской литературы в конце XIX – начале XX веков, специализированного изучения рассматриваемой проблемы не предпринималось.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в практическом преподавании истории зарубежной литературы XIX в.

Методы: исследовательский, сравнительно-сопоставительный.

Структура работы: введение, 3 главы, заключение и список литературы.

Глава I. ВИКТОРИАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

§1. Викторианская Англия.

Термин «викторианский» связан, прежде всего, с выдающейся женщиной-правителем Британии королевой Викторией, остававшейся на троне 64 года. Она взошла на него в возрасте 18 лет в 1837 году и оставалась монархом до 1901-го года. Это одно из наиболее исторически значимых правлений, о котором не только сложены легенды, но и написано множество художественных, исторических романов, так как эта женщина подарила Великобритании не только стиль и свое имя для топонимики и названий кораблей, университетов и исторических побед, но и невероятный пример женского мужества, бдительности, чуткости, которые могли изменить ход истории государства.

За этот период в Великобритании произошло множество историко-социальных перемен. В стране вдвое увеличилось население; она получила огромные колониальные владения; была налажена торговля; так называемая «индустриальная революция» дала свои результаты; развивается мелкий бизнес; происходит становление различных государственных и религиозных институций: «Ранневикторианский период был, по сути, эпохой религиозной». [49,С.217] Время правления Виктории представляет собой эру в истории Британии, получившую одноименное название, ставшее символом мощи Великобритании.

Английская викторианская литература поднимается с середины XIX-го столетия. Общество жаждет необычных впечатлений. Как насыщен был викторианский интерьер, так и насыщен был книжный рынок в Великобритании. Это были произведения самых разнообразных жанров. Кроме того, появилась масса произведений учебного и узкоспециального назначения.

В 50 годы XIX столетия практически всю Великобританию охватывает бум интереса к различным справочникам и энциклопедиям. Эта традиция приходит в Англию именно в связи с экспансивной, цивилизационной составляющей англосаксонского мира. Англичане пытаются систематизировать мир вокруг себя по своим лекалам. Поэтому они подробнейшим образом начинают всё описывать. Они изучают мир, свою страну, мебель в своем доме, создают подробные описи посуды в доме или посадки растений в саду.

Этот порядок был объясняем языком математики и раскрывался универсальными законами, не оставляющими места мистике. Плоды естествознания, собранные в энциклопедии, стали информационным оружием. В XVIII-XIX веках характерное и основополагающее явление для западноевропейского доиндустриального капитализма – колониализм, лидером которого стала Британская империя.

С XVI (начало колонизации Ирландии) по XIX век английское государство создавало колосса имперского колониализма - источник дохода и рынок сбыта британской промышленности.

Пуританизм и естествознание нашли объединение в масонстве, которое стало столь необходимой новым восходящим классам буржуазной социальной системы глобальной, наднациональной структурой, которая рапространяла по всему миру новую идеологию безбожия-естествознания и интернационализма. В 1717 году в Англии была открыта первая масонская ложа, объединявшая единой целью как представителей аристократии, так и буржуазии. Гаскелл подмечает тенденцию буржуа к приобщению к обществу аристократов с помощью информационной осведомленности. Так, фабрикант мистер Торнтон, герой романа «Север и Юг», «решительно признавал собственное невежество и намеревался освоить то, что им следовало освоить гораздо раньше». [17,C25] Необходимо отметить, что шеф английской разведывательной службы (Secret Intelligence Service) в начале XVIII века и писатель Даниэль Дефо тоже стал масоном со времени основания этой

организации, и даже после ухода в отставку до самой смерти посещал собрания масонских лож. В середине XVIII века появилось определение объекта, которым можно манипулировать – «массы», оторванные от традиции. Именно подобная идеология, оформившаяся к этому времени, сделала возможным геополитику, как проектирование исторического процесса. Для этого использовались организации, как тайные, вроде масонов, так и явные, государственные – спецслужбы, армия и флот, правительство, которые реализовали эти буржуазные проекты и торговые компании. Объектом этого планирования стал весь мир, подготовленный к трансформации из «заколдованного», мифически-религиозного в буржуазный, «рациональный», индивидуализированный буржуазной трудовой этикой: «Для севера Англии, и, в частности, Манчестера, где жила Гаскелл и где разворачивается действие ее первого романа, политические и религиозные проблемы оказывались в равной степени актуальны». [4, С.217]

Таким образом, на всей территории Британской империи, на основе протестантской трудовой этики складываются и развиваются группы, которые скрыто от глаз непосвящённых оказывают решающее влияние на политику государства. Это воздействие происходит скрытыми, мировоззренческими методами концептуального воздействия. Макс Вебер считает, что между приверженцами традиционной этики и людьми, проникшимися духом «протестантской этики», пролегла пропасть. Он подчёркивает, что этот дух занял устойчивое положение как в буржуазной, так и, не в меньшей степени, в рабочей среде, что чрезвычайно важно для устойчивости современного социума и управления им. В Западной Европе протестантские течения выполняли функцию переходных от всепрощающего христианства к рационализаторской религии денег – этот процесс трансформации сознания описан Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма».

Англосаксонская цивилизация, добившаяся своего доминирования морскими путешествиями, активной колонизацией открытых земель и

установлением господства на море, что стало основой стабильности викторианской Англии.

Так, индийские княжества, даже формально сохранившие независимость, были связаны кабалой «субсидиарных договоров», наложенной Ост-Индской компанией на местных князей, тяжёлой данью на содержание «субсидиарных войск» и навязанных ростовщических займов предоставляемых опосредовано директорами компании, лордами, королевской семьей, епископами англиканской церкви, королевскими министрами и прочими представителями управленческих, английских структур.

Эгоистический мотив западного человека приобрёл господствующее положение: «Допустив перенос инстинктивных составляющих индивида на общество, сублимация подразумевает теперь отказ и от самого общества в пользу чисто экономической деятельности. Итак, истинное завершение этой сублимации, её видимое воплощение, представляет собой эгоистический интерес, возведённый в добродетель». [12,С.256] Таким образом формировался стержень западного индивидуализма, подорвавшего основы коллективистской, этнической, национальной морали (основы государственности).

§2. Литература викторианской Англии.

Писатели викторианской эпохи, даже мистического, готического жанра, весьма уважали идею рыцарства, целомудренности. Эта установка также транслировалась из августейшей семьи королевы Виктории, которая представляла в Империи образец счастливого, безоблачного брака и пуританской морали.

Но стоящая на пороке империя не могла быть нравственно безупречной. Английская писательница Барбара Картленд свидетельствует:

«Было принято тщательно расставлять книги в библиотеке по половой принадлежности авторов; драпировать ножки рояля в гостиной чудовищными оборками; никогда не вывешивать для просушки нижнее белье там, где оно могло попасться на глаза несовершеннолетним. Однако горничная время от времени принимала у себя в пристройке явившегося с визитом хозяина дома». [33, С.175]

В XIX столетии роман стал ведущим жанром в литературе Британии. О социальной жизни Британии XIX столетия можно судить по произведениям Чарльза Диккенса и Уильяма Мейкписа Теккерея. Эти произведения говорят вдумчивому читателю не только открыто о явном, как, например, об официальных британских исторических событиях; о парламентской, политической борьбе; рабочем движении, но и подспудно обозначают мелкие, не бросающиеся в глаза подробности викторианской эпохи, которые касаются непосредственно темы данной работы.

Один из самых психологических романов Диккенса «Домби и сын» обнажает бездуховность викторианского буржуазного общества; лишенную человечности буржуазную идеологию. Мистер Домби при всей своей респектабельности и высоких морально-нравственных устоях не может выстоять в подобном мире наживы, губит жизнь близких и свою собственную. Порочность викторианского общества раскрывается и в «Крошке Доррите», и в «Жизни Дэвида Копперфильда», и в других произведениях.

Необходимо отметить, что уже в своих ранних романах Диккенс показывает распад семьи в условиях капитализма, сведение священных уз брака к сделке уровня товарно-денежных отношений: женится, в расчете на состояние жены, Ральф Никклби; сластолюбивый ловелас Грайд желает приобрести жену помоложе; стремится в аристократические круги ростовщик Квилп.

Мир гордыни и порока обличает в «Ярмарке тщеславия» и Уильям Теккерей: героиня произведения, Ребекка Шарп, стремится «продать» себя,

выйдя замуж за богатого жениха. Теме «struggle for life», борьбы за жизнь, посвящен и «Пенденнис», и «Записки Барри Линдона». Отмеченное Диккенсом лицемерие, царящее в викторианском, ханжеском обществе, разоблачает и Теккерей, показывая, как пресмыкаются буржуа перед титулованными особами.

Любовь к аристократу заставляет страдать и героиню произведения «Джейн Эйр» одной из Бронте – Шарлотты. Джейн вынуждена бороться с догмами викторианской морали и буржуазного эгоизма, чтобы отстоять свою независимость.

Точность, реалистичность изображения деталей жизни была и особенностью творчества Бенджемина Дизраелли, сумевшего отразить на страницах своих произведений это кардинальное, характерное для викторианской Британии и всей Западной Европы явление – разделение на две «нации» – имущих и бедных. «Сибилла, или две нации» формулирует эту истинную картину тяжести положения рабочих в мире господства капитала и даже рисует картину борьбы между этими «нациями».

Феминистские исследователи убеждены, что местом возможного обретения себя является письмо, свой язык. Литературное творчество дает женщинам возможность ответить на вопрос «кто я?», тем самым помогая процессу их самоидентификации. Женщины хотят занять свое место в литературе, где веками доминировали мужчины, доказав, что их творчество следует оценивать не по биологическому признаку, а по профессиональным качествам, креативности и таланту. Поскольку женский социокультурный опыт не занимал достойное положение в системе общественных ценностей, женщины современной эпохи хотят описать свою модель видения и понимания мира. Появившаяся «женская» литература позиционирует себя как своеобразное и независимое культурное явление, подчеркивающее иной подход женщины к литературной деятельности. В новую эпоху, на рубеже XX и XXI столетий, писательницы делают акцент на личных переживаниях, наблюдениях, они ищут особые способы восприятия и оценки

действительности, пытаются уйти от сложившихся стандартов мужской литературной традиции.

В то же время, растет количество художественных произведений, написанных женщинами-писательницами. Английские писательницы вызывали живой интерес у различных читателей и в Великобритании сформировались такие столпы традиция «высокой» литературы как: Джордж Элиот, Джейн Остен, Мери Шелли, сестры Бронте и Элизабет Гаскелл.

Роман викторианской эпохи по сравнению с современным ему французским романом обладает меньшей ясностью и композиционной разграниченностью. Жанровая тематика романа карьерного типа встречается в литературе викторианского времени реже, чем во французской, поскольку герой викторианского романа – более заурядный человек, он не сжигаем внутренними страстями, не бросает вызов миру, а желает найти свое место в существующем социально-политическом устройстве.

Таким образом, весь разнообразный мир викторианской литературы, несмотря на задаваемый правящими кругами тон благополучия, являлся отражением истинного нелицеприятного общественно-политического состояния Британской империи, однако он не призывает к кардинальной переделке мирового порядка.

§3. Творчество Элизабет Гаскелл.

Элизабет Гаскелл (в девичестве Элизабет Стивенсон) вышла из семьи финансового чиновника. Свои юные годы она провела в городе Натсфорд, на юге Британии. Замужество заставило её переселиться в Манчестер – один из крупнейших центров промышленности в Англии. Одновременно с этим город был центром движения чартистов, предвестников социал-демократии. Наглядные впечатления от тяжелых условий жизни пролетариата; чартистская борьба за их права не могли не оказать влияния на творчество

писательницы, как, например, роман «Север и Юг» представляет собой отражение этих первых впечатлений Гаскелл от условий обитания и тяжелого труда пролетариата в Манчестере. Сама Элизабет Гаскелл совмещала в себе идеалы викторианства. Она, в пример другим женщинам-романистам того времени, с успехом совмещала обязанности хранительницы домашнего очага, матери четырех девочек, с активной социально-культурной деятельностью писателя, учителя, верного помощника мужу-пресвитеру унитарийской церкви. Произведения Элизабет Гаскелл также разносторонни в жанровом и тематическом планах. Несмотря на свою социальную направленность, они полны этическими убеждениями унитарийской направленности, отраженной в поведении и мыслях персонажей: «В этом смысле важную роль играет религиозность самой писательницы. Э. Гаскелл не только принимает «общехристианские ценности» в качестве основы подлинно нравственного поведения, но и показывает поликонфессиональность викторианской Англии. И в этом уже отличие от других «ранневикторианских» классиков, для которых религия — это по умолчанию религия англиканская: «Наряду с индустриальной революцией и ростом населения, в викторианской Англии существовала еще одна почти столь же динамичная сила, связанная с оживлением религии». [8, С.120]

В середине XIX века в Англии на фоне обнищания населения официальная церковь не предприняла попыток стать ближе к народу. Поэтому в рабочих районах стали особенно активно распространяться раскольнические (или диссентерские) настроения». [8, С.217]

Писатель стала автором семи романов, пяти новелл, двадцати двух рассказов, одиннадцати эссе и статей. Первый литературный опыт Элизабет Гаскелл получает в 1836-м г., когда она в соавторстве с Уильямом, своим мужем, опубликовала стихотворения в журнале «Блэквуд». Однако о профессиональной литературной деятельности Элизабет не задумывалась, хотя ею были опубликованы заметки о сельской жизни как ностальгические воспоминания о родине.

После того как муж привез Элизабет из Германии много книг, она, вдохновившись прочитанным, решила написать художественное произведение. В 1848-м году было опубликовано её первое крупное творение, роман «Мэри Бартон». Как всякий талант, Гаскелл получала противоречивые рецензии современников на свои произведения. Гаскелл не являлась сторонником революционных преобразований общества, однако, она воспроизводила тяжелое существование манчестерских рабочих; рассказывала о гибели многих семей от нищеты и голода; о мрачном мире трущоб промышленных гигантов: «Э. Гаскелл была современницей серьезных изменений, затронувших в 30—50-х гг. XIX в. все сферы английского общества. Особое значение для представителей всех классов имели политические реформы, которые постепенно трансформировали парламентскую систему Англии». [8,С.217] Значение подобных произведений, ставших откровением для многих англичан, трудно переоценить.

§4. Оценка творчества Э. Гаскелл в критике.

В восхищении от романа Элизабет «Мэри Бартон» были Джон Раскин, Чарльз Диккенс, Томас Карлайл. Мария Эджворт пишет по поводу этого произведения: «Все это сделано, чтобы помешать рабочим стать рабами, а хозяевам тиранами. Такой сильный писатель как автор «Мэри Бартон» мог поспособствовать этой благородной цели своими душераздирающими описаниями и призывами к сочувствию». [15,С.365] Присоединился к подобному восхищению правдивого отражения жизни и британский радикал, поэт-пролетарий Сэмюэль Бэмфорд. Роман взволновал и великого русского писателя, пророка социальных потрясений: «Тема «бедных людей», тема пауперизма, столь волновавшая Достоевского еще в 40-х годах, предстала перед ним в этой книге под совершенно новым углом зрения. Роман из быта

трудящихся Манчестера конца 30-х годов, то есть эпохи тяжелого экономического кризиса и организации рабочего движения, развертывает картины ужасающей безработицы, нищеты, голода и социального угнетения на фоне большого индустриального города со всеми резкими контрастами жизни предпринимателей и фабричных». [27,С.129]

Естественно ожидаемыми стали протесты буржуазии против «Мэри Бартон»: промышленники Манчестера в лице анонимного корреспондента разгромной статьи в «Манчестер Гардиан». Гаскелл обвинялась в ней и в невежестве, и в клевете на хозяев, торговцев и джентльменов этого города.

Так же неоднозначно был воспринят в викторианском обществе роман Гаскелл «Руфь». Поднятые в этом романе проблемы религиозного ханжества, лицемерия, проституции и супружеской неверности, стали для многих читателей пуританской Англии шокирующим откровением. Некоторые из членов паствы её мужа, Уильяма Гаскелла подвергли книгу сожжению, [16,С.169] запретив своим женам читать её. Критики определенной политической направленности указывали на неправдоподобность образа главной героини. Так, «Лондон Мэгэзин» прямо обвинил Элизбет в создании неправдоподобного образа Руфь со слишком чистой и невинной для простого народа душой. Однако, близкие Гаскелл: Флоренс Диккенс, Натингейл, Чарльз Кингсли и Анна Джеймсон поддержали её и одобрили произведение.

Таким образом, невзирая на описанные скандальные обстоятельства и благодаря им, миссис Элизабет Гаскелл обрела популярность и востребованность при жизни, а её произведениями зачитывалась широкая публика. Правда, после смерти Гаскелл о ней забыли, хотя её роман 1853-го года «Крэнфорд» успешно продавался ещё долгое время. Элизабет Гаскелл упоминается лордом Сесилом в работе «Романисты раннего викторианского периода», где он определяет отличительной чертой её творчества женский взгляд на жизнь, бытописание, как среду «типичной женщины: мягкой, домашней, тактичной, недалекой, плаксивой, легко ранимой». При этом

аристократ наделил писательницу эпитетом «голубь» в противовес «орлам» других литературных стилей.

Подобное реноме закрепилось за Гаскелл до второй половины XX-го столетия, когда усиливается интерес к писателям-реалистам XIX-го в. Мария Константиновна Цебрикова, автор нашумевшего письма к Александру III, протестующего против имперского подавления гражданской позиции, писала об английских романистках викторианского периода: «Роман в Англии всегда резко отличается от романа других стран своим реальным характером». [39,С.56]

Благодаря работам Рубениус Э., Хопкинс А., Тиллотсон К. и Кеттла А. отношение к творчеству Гаскелл было пересмотрено, и она получила звание одной из ведущих писательниц викторианской эпохи.

В 70 годы прошлого столетия интерес к Элизабет Гаскелл возрос. Выпущен тираж энциклопедического исследования Шарпса «Наблюдение и выдумка миссис Гаскелл: изучение ее небюграфических работ»; книг Мак Крэйк «Элизабет Гаскелл и английский провинциальный роман», Вейг «Элизабет Гаскелл. Биографические сведения в литературном цикле», Лэнзбери «Элизабет Гаскелл: роман социального кризиса» и другие.

Фрискстедт в своем труде «Мэри Бартон» и «Руфь» Элизабет Гаскелл: вызов христианской Англии» открывает второй смысловой ряд романов Гаскелл, их социальную и религиозную подоплёку.

Творчество Элизабет Гаскелл можно разделить на два этапа. К первому из них можно отнести романы «Мэри Бартон. Манчестерская повесть», «Крэнфорд», «Руфь», «Север и Юг» и биографию «Жизнь Шарлотты Бронте». Второй период характеризуется такими произведениями, как «Поклонники Сильвии» и «Жены и дочери. Обыденная история». Романы первого периода посвящены значительным проблемам, связанным с критикой общественного устройства; реалистичному изображению существования пролетариата. В произведениях первого цикла «Север и Юг» и «Мэри Бартон» Элизабет освещает чартистское движение, создает литературные

образы вождей рабочего движения, таких, как Хиггинс и Джон Бартон, совершающий террористический, по сути, теракт: «Джон Бартон совершил свое деяние только с одной целью: испугать целое сословие людей, которые, по мнению тех, кто стоит ниже их, стремятся лишь побольше выжать из рабочего за меньшую плату, или в крайнем случае к тому, чтобы устранить опасного соперника – фабриканта, напугать тех, кто мешает рабочим добиться своих прав. Джон Бартон верил в это, и все же, едва улеглось первое возбуждение». [2, С.544]

«Рабами, убежденными в законности их рабства» [39,С.41] называет женщин в английском романе М.К. Цебрикова. Поэтому немалая смелость в условиях викторианской Англии с её господствующей ханжеской, пуританской моралью потребовалась писательнице для изображения судьбы женщины-изгоя, попавшей под общественное порицание в романе «Руфь», причем, необходимо отметить, что судьба её трактуется в качестве следствия тяжелых социальных условий жизни девушки, вышедшей из пролетарской среды. Даже в биографии подруги Гаскелл Шарлотты Бронте лейтмотивом проходит социологическое объяснение трагической судьбы.

Семейно-бытовые романы второго этапа творчества социальная тема также присутствует, но уходит на второй план, уступая первую партию ироническому изображению будничной жизни обитателей имперской провинции, и их нравов, как, например, в романе «Жены и дочери». Однако, как в произведениях первого, так и второго цикла личность автора выступает в качестве убежденной сторонницы принципов реализма в изображении действительности. Гаскелл вовлечена в тематику современности: «Э. Гаскелл интересовали противоречия в жизни общества. Ее знакомство не только с людьми высшего сословия, но и с представителями рабочего класса давало ей возможность показать и достаточно эмоционально оценить существующие конфликты». [39,С.217] Англичанкам-писательницам, романисткам по мнению М.К. Цебриковой, принадлежит заслуга закладки краеугольного камня жесткой критики, сложившегося в викторианскую эпоху представления

об идеальном представлении о мужчине-джентльмене и женщине – покорной рабыне. Подобные литературные выступления Мария Константиновна, выступавшая против обывательской зашоренности еще в письме к Александру III, приравнивает к началу освобождения от «духовного рабства». [39,С.182]

Творчество Элизабет представлено социальными романами, отражающими классовое противостояние эпохи чартизма (характернейшим образцом данного типа является «Мэри Бартон», которая стоит у истоков темы пролетариата в прозе Западной Европы); антивоенными историческими романами («Поклонники Сильвии»); психологическими «романами воспитания» (такими, как «Жены и дочери»); а также повестями и рассказами, сыгравшими далеко не последнюю роль в оформлении жанра не только британской антибуржуазной утопии и психологической новеллы, но и мировой (Леонид Гроссман пишет, как поражен был Федор Михайлович Достоевский романом «Мэри Бартон. История манчестерской жизни» [27,С.562]); трудами последних лет жизни, которые также отмечены интересом Гаскелл к борьбе неимущего класса. Даже в биографии Шарлотты Бронте постельница прослеживает негативное влияние социума.

То, что политический кругозор Элизабет Гаскелл выходил далеко за пределы викторианских гостиных, подтверждает неиздававшаяся на русском языке статья «An Accursed Race», посвященная гонениям на пиренейский этнос каготов. В этой статье Гаскелл клеймит и британскую мораль за оправдание антисемитизма; войн между католиками и протестантами; сожжения на кострах ведьм. Так она вновь выступает против дискриминации.

Таким образом, Элизабет Гаскелл является достойным представителем поистине блестящей плеяды романистов викторианской эпохи «английского критического реализма». [13, С.244] Её творчество стало существенным вкладом в развитие такого направления, как социальный роман. Свои лучшие произведения писательница посвятила тяжелому существованию английского рабочего класса и становлению в нём классового сознания. Необходимо

также отметить, что большей частью романы писательницы являются прокламацией духовного освобождения женщины, в частности, её самой, поскольку в романах четко прослеживается автобиографическая линия. А. В. Дружинин писал в «Петербургских ведомостях»: «Мистрисс Гескель в романе «Мери Бартон» привлекала симпатии публики к бедствиям фабричных работниц». [27,С.12] В свою очередь современные исследователи такие как А.А. Елистратова, Е.Гениева, В.В. Ивашова, О.В. Телегина, В.О. Возмилкина тоже высоко оценивали творчество Э. Гаскелл.

Глава II. РОМАН «КРЭНФОРД» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИЗАБЕТ

ГАСКЕЛЛ

§1. Особенности атмосферы города

«Крэнфорд» звучит в совершенно иной тональности, нежели «Мэри Бартон», хотя не менее очевидно, что и то, и другое произведение основано на личных впечатлениях Элизабет Гаскелл. Все книги писательницы так или иначе отсылают нас к подлинным событиям, подмеченным ею в своем жизненном опыте.

Действительно, таланта автора хватало на столь разноплановые литературные произведения, как истории про привидения в журнале Ч. Диккенса и романы о чартистской борьбе пролетариата. Подобное творчество писательницы позволяет знатоками её творчества, вторя названию одной из её книг, говорить о «северной» и «южной» Гаскелл, балансирующей, по её собственному признанию, «между Драмблом и Крэнфордом». [15, С.163]

Элизабет выросла в небольшом провинциальном городе, это были дни её юности, и это именно они отразились в её ностальгических произведениях в противоположность «северному» циклу, протестующему против социально-политического устройства викторианской Англии.

Прототипом Крэнфорда послужил чеширский город детства Элизабет Стивенсон – Натсфорд, где она воспитывалась, после скоропостижной кончины матери, её сестрой. Этот город, утопающий в зеленых лугах и славящийся по всей империи своим сыром и народными поверьями. Мистические рассказы Гаскелл также берут свои истоки именно отсюда. Натсфорд – окраина империи, здесь проживают свою ренту отставные чиновники и «старые девы». Север и Северо-Запад Англии были представлены в середине XIX-го столетия, в основном, крупными индустриальными центрами вроде Манчестера, Ливерпуля, Йоркшира, Ланкашира, а множеством поселков и маленьких городков, которые жили старинными английскими обычаями: «Именно поэтому англичане со всех

концов страны интересовались йоркширским фольклором и верили, что уж тут-то должны водиться феи». [10, С.24]

Манчестер, в который переехала по замужеству Элизабет из этой «зеленой Англии» был центром британской текстильной промышленности, аванпостом бездушного прогресса промышленности, лелеющим ханжескую «манчестерскую школу» политэкономии буржуазии, являвшуюся на деле системой невольничьей эксплуатации, где вместо кандалов и плети использовался теперь фунт стерлингов, прикрытой буржуазным религиозным и моральным ханжеством. Страдания трудящихся масс обосновываются здесь волей Господа и склонностью к пороку, якобы господствующему в среде неимущих.

Как упоминалось выше, «северное» творчество Гаскелл было тихим бунтом против этого социального порядка, самым угнетаемым и бесправным сектором в котором были женщины. Побегом от этой невольничьей действительности представляется на первый взгляд роман «Крэнфорд», являющийся ярким образцом нравоописательной британской прозы, выходящим из ряда обличительных произведений Гаскелл. В действительности же эта книга имеет органичную и глубокую связь не только с личной биографией Элизабет, но и со всем творчеством писательницы.

История Крэнфорда в руках женщин: «Какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно». [1, С.24] Все внимание повествования сосредоточено на женских характерах. Самостоятельность героинь романа неоднократно подчеркнута в произведении: «Мужчина в доме очень мешает!», [2,С.54] – говорит одна из «амазонок». Крэнфорд, в основном, населен немолодыми или пожилыми дамами, хранительницами домашнего очага, свято верящими в незыблемость традиционных, установленных раз и навсегда ритуалов.

Литературным воплощением юной Элизабет является в книге «чопорная малютка Мэри» [2,С.54] Смит. Она выполняет функцию рассказчика истории городка, повествование ведется от её лица. Мэри

проживает с мисс Мэтти Дженкинс, у которой есть сестра по имени Дебора. Эта дама является в городе концептуальной властью, она задает тон поведению и устанавливает морально-нравственные нормы, причем, соответствуя концептуальному методу управления, делает это не командно-адресным, а бесструктурным образом, который, она, вероятно, переняла у своего отца: «Мисс Дженкинс, следует сказать, была дочерью покойного крэнфордского священника, и, как наследница многочисленных рукописных проповедей, а также очень недурной богословской библиотеки, считала себя причастной литературе». [2,С.54] Однако концептуальная власть (мисс Дебора Дженкинс) должна отдавать традиционную для английского общества дань уважения аристократии в лице «апатичной и высокородной» миссис Джеймисон: «Высокородная миссис Джеймисон, которой сама мисс Дженкинс всегда щепетильно уступала первенство, была толста, апатична и всецело зависела от своих старых слуг», [2,С.54]– данный символизм, который привнесли в английскую литературу писатели викторианской эпохи, говорит о той стагнации, которой подвергся британский управленческий корпус. Имя Дебора писательницей – женой священника, выбрано неслучайно. Ветхозаветная вдохновленная Богом пророчица эпохи Судей, и четвертая Судья Израиева и «мать в Израиле» [18,С.129] Дебора была вдохновителем своего народа во времена, когда дом Израилев распался на 12 колен (вспомним упомянутое выше произведение Б. Дизраэли «Сибилла или две нации», в котором он пишет о разделении английской нации на два народа) Дебора Гаскелл, «ревниво оберегавшая свое библейское имя» [2,С.54] также занимается наставлением своего народа, жителей Крэнфорда, на путь истинный: «Я даже думаю, что она взяла свою библейскую тезку себе за образец». Правление Деборы продолжалось вплоть до её упокоения, и мисс Пул (страстная рукодельница, девиз которой Гаскелл определяет словами британской песенки «И белой шерсти мне купи у Флинта» [2,С.54]); вдова Форрестер; бывшая модистка Бетти Баркер, любившая «корову как

родную дочь»; дочери капитана Брауна и, конечно же, сестра Матильда признают её непреклонный авторитет.

Мягкий и дружелюбный юмор Гаскелл описывает маленькую вселенную провинциального викторианского городка, которым «владеют амазонки»: «Провинциальный городок Крэнфорд примечателен не только особыми обычаями, но, главным образом, жителями, которые эти обычаи устанавливают и свято соблюдают». [2,С.54]

§2. Особенности матриархата

Писательница с первых строк книги декларирует – Крэнфорд – город женщин, где правит матриархат. И пусть местные «амазонки» не берут в руки оружия, то это только потому, что нет подобающей причины. Город погружен в умиротворенную, благостную и добродетельную атмосферу, и это благоденствие – концепция Элизабет Гаскелл.

В мире матриархата, по мнению Гаскелл, не может быть насилия или эксплуатации, здесь все решается мирным, чудесным образом: сказочным принцем возвращается к Джесси Браун майор Гордон (однако счастье с мужчиной в городе амазонок невозможно, и молодожены покидают его); счастливо избавляется от морских валов и французской пули «ага» Питер Дженкинс, последователь барона Мюнхгаузена и охотник на херувимов.

Мужчины Крэнфорда вообще – «ручные, домашние», как капитан Браун, прошедший инициацию через свою безобидность для дамского общества, а позже став его мучеником, приняв единственно приемлемую в глазах амазонок смерть, спасая жизнь маленькой девочки. Законодательницей этой канонизации, как и большинства морально-нравственных устоев Крэнфорда была Мисс Дженкинс. Она «носила мягкий, завязанный бантом галстук, шляпку, похожую на жокейское кепи, и вообще у нее был вид женщины с сильной волей, хотя она с презрением отнеслась бы к нынешним

утверждениям, будто женщины равны мужчинам. Равны! Она прекрасно знала, что они гораздо их выше». [2,С.54]

Подтверждением этой гипотезы служит и «священная корова» мисс Бетси Баркер, дающая «изумительное молоко и изумительно разумная». [2,С.54] Её, в соответствии с почитанием, нельзя резать, поэтому она «шествует на пастбище в одеянии из темно-серой фланели» [1,С.54] после того, как обварилась в яме с негашеной известью. Подобная забота о корове со стороны крэнфордских леди неудивительна: наличие коровы в городке «служит почти таким же признаком респектабельности, как в некоторых кругах – собственный кабриолет». [1, С.118] «Высшее общество» Крэнфорда большей частью далеко от настоящего социально-экономического превосходства по отношению к представителям среднего класса. Крэнфордские «амазонки» как правило, не имеют знатного происхождения и обладают скромным достатком, однако иерархия их мира выстроена на другой системе приоритетов.

Общеизвестно, что культ «священной коровы» процветал в Древней Индии, викторианской колонии, а затем – империей. Именно в Индии пропал брат Элизабет, Джон, и именно оттуда вернулся в Крэнфорд Питер Дженкинс. В своем творчестве Гаскакелл часто проявляет осведомленность в подробностях жизни в Индии.

Божество женского пола – первый, древнейший образ божества, что подтверждается археологическими и историческими исследованиями. Даже время, текущее в Крэнфорде по своим законам, остановившись на тридцатых годах XIX-го века, подчинено требованиям общества «амазонок». Королева Виктория, несмотря на свой социальный статус, вовсе не была поборницей феминизма. Напротив, она стала во многом олицетворением того «северного», пуританского, ханжеского, колониального и невольничьего «викторианского стиля», против которого восставала «южная», женская сущность Элизабет Гаскелл. Именно поэтому атмосфера Крэнфорда любима народом за благочестие, милосердие и скромность. В изобразительной

манере верноподданнических подушек, расшитых шерстяными портретами королевы, с преобладанием спокойных полутонов без диссонансов предстает перед нами город «амазонок».

Однако, мир Крэнфорда далеко не исчерпывается фантастическим бытом благоденствующей окраины империи. Описание закрытого мира Крэнфорда сменяется вполне реальным срезом жизни викторианского общества, сословное разделение в котором воздействует на формирование всех социума. Приезд в провинциальный городок леди Гленмайр стал настоящей сенсацией в «высшем свете» крэнфордских леди. Этот визит – один из ключевых моментов в развитии сюжета произведения. Аристократическое происхождение Гленмайр поставило перед жительницами города ряд церемониальных проблем: подбор туалета, требования этикета, соответствующие статусу столь высокой гостьи: «Надо ли говорить «Ваша Милость» в тех случаях, когда обыкновенным людям мы говорим «Вы»?... И надо ли говорить «миледи» или, как всегда, «сударыня»?», [1, С.131]– вопрошает мисс Пул. Пресловутая английская чопорность и внимание британцев к тонкостям речевого этикета не обошли стороной крэнфордских «амазонок». Соблюдение этих норм социальных, сословных разграничений – обязательная, традиционная практика английского викторианского общества, естественная составляющая провинциального существования, «благородных» правил поведения.

По случайному недоразумению знакомство леди Гленмайр с местным «высшим обществом» чуть было не сорвалось, что стало бы большой оплошностью с её стороны, поскольку не нанести визит в течение трех дней считается здесь равносильным нанесению оскорбительного пренебрежения. Но, это досадное недоразумение скоро разрешилось, и крэнфордские леди удостоились чести лицезреть высокую гостью. Вскоре выяснилось, что леди Гленмайр выходит замуж за мистера Хоггинса, доктора. Этот мезальянс получил широкое обсуждение: «Здесь в Крэнфорде бедная леди Гленмайр могла, казалось бы, считать себя в безопасности, – заметила мисс Мэтти с

кроткой жалостью в голосе», [1, С.204] – доктор Хоггинс хоть и обеспеченный, но всё же он – простой врач, и его кандидатура в спутники жизни титулованной гостыи никак не казалась достойной. Одним из главных аргументов этого утверждения стала информация о рационе доктора: «Мистер Хоггинс ежевечерне ужинает хлебом, сыром и пивом!», [1, С.204] что, по мнению дам, никак не вяжется с аристократизмом.

Леди Гленмайр, как аристократка, по представлениям мисс Мэтти и её близкого окружения должна служить образцом целомудренности, благочестия, благоразумия, а не предпочитать всему этому банальное женское счастье. Брак Гленмайр и Хоггинс пошатнуло понятия о женской солидарности и социальной иерархии местного «высшего общества», остро ощущавшего социальные табу и сословные разграничения. Леди Крэнфордского света не обозначают свою принадлежность к какому-либо сословному кластеру, однако, в силу самоуважения эта принадлежность для них очень важна. Их идентифицирующие, отличительные метки присутствуют в их речи, манерах, одежде. Каждый класс, по их мнению, обязан соблюдать приличия правил поведения и не переходить их границы – это, по мнению героинь Гаскелл – краеугольный камень порядка и стабильности.

Сквозь мелодраматический, «кружевной» быт Крэнфорда проступают очертания индустриальной, буржуазной, колониальной державы. Город Драмбл, в который с неохотой постоянно возвращается Мэри Смит, от имени которой ведется повествование, олицетворяет промышленный «север», Манчестер, откуда через умиротворенный Крэнфорд тянется «мерзкая железная дорога», убившая капитана Брауна. Как известно, именно использование паровых машин стало началом индустриализации и ухудшения положения рабочего класса: «Буржуазническая индустриализация осуществляется как за счёт эксплуатации наёмных рабочих и разорения крестьянства своей страны, так и за счёт ограбления трудящихся других стран, в особенности колоний. Она неизбежно ведёт к обострению

противоречий капитализма, к обнищанию миллионных масс рабочих, крестьян и ремесленников». Безусловно, уловить такой подтекст на первый взгляд сложно. Однако, рассматривать отдельные произведения Элизабет Гаскелл в отрыве от остального творчества также было бы нецелесообразно.

§3. Социальное расслоение

Взгляд на Крэнфорд производится с двух позиций. Первая точка зрения принадлежит «чопорной малютке» Мэри, представляющей «южную» личность писательницы, юную Элизабет Стивенсон, уроженку «зеленой Англии», а вторая – та пожившая в промышленном центре с его угнетением и ханжеством женщина, автор «Мэри Бартон», неявное присутствие которой мы ощущаем в этом сказочном мире.

Мэри Смит окрашивает изложение эмоциональным спектром, усиливает его сентиментальные, комические и лирические оттенки в изображении происходящего. Благодаря этой непосредственной особе мы видим внешнюю, часто абсурдную, смешную, но и трогательную сторону городка и можем сравнить её с образом Драмбла. Именно в этом противостоянии – основной конфликт произведения. Так, глазами Мэри мы видим разорение мисс Мэтти Дженкинс, вложившей все свои капиталы в обанкротившийся Городской и сельский банк в Драмбле. Но, не уподобляясь эгоистичным коммерсантам «севера», мисс Мэтти, в первую очередь, соболезнает тем фермерам и горожанам, которые остаются без поступлений средств и тут же помогает одному из них своими небольшими финансами, запуская тем самым механизм круговой поруки бедноты, которая в итоге возвращается к ней пожертвованиями окружающих. Мораль книги заключена именно в этих главах. Человечность непобедима идеями капитализма, и именно в таких провинциальных городках она концентрируется и сохраняется, как фонд будущего.

Так, утверждая всепобеждающую идею человечности, «Крэнфорд» становится очевидным признаком разделения творчества Гаскелл на «северный» и «южный» циклы. Уютная идиллия из жизни глухой провинции колониальной империи первой половины XIX века становится тем уединённым уголком «зеленой Англии», в котором упокоится в конце жизни писательница. Крэнфорд в кажется отделённым от индустриально-буржуазииического прогресса прочей Британии. Все в этом городе – старая архитектура, мебель, пожелтевшая связка писем – есть остров ностальгии, сформировавшийся в сознании Элизабет. Это её детский мир. И бури, налетающие на этот остров, тоже имеют детский масштаб мелких катастроф вроде негодования, которое вызывает капитан Браун, предпочитающий «Пикквикский клуб» Боза ювеналовой сатире Самюэля Джонсона. Данное предпочтение возмутило мисс Дебору Дженкинс, видимо, ввиду того, что под псевдонимом Боза скрывался обличитель социальной несправедливости викторианского общества Чарльз Диккенс, а Самюэль Джонсон, по мнению «Британники», стал в англоязычной цивилизации символом второй половины XVIII в, в котором предпочитают оставаться жители городка.

Атмосфера старосветского Крэнфорда, с искренним добродушием, старомодной чопорностью и наивными предрассудками его обитателей воспринимаются в положительном аспекте именно благодаря этому застывшему во времени патриархальному жизненному укладу. При всей его узости и застойности, у Крэнфорда стойкий иммунитет и к тому новому, что несет развращающее воздействие новой эпохи и находящейся в постоянном движении колониальной империи. Таким образом, Крэнфорд – стилизованная патриархальная утопия, нереальная ностальгическая мечта Элизабет.

Жительницы города неспроста с первых строк объявляются автором «амазонками». Они действительно защищают свой застывший во времени город, подвергая строгому суду все события, происходящие в городке. Любое новшество обречено в Крэнфорде на долгое обсуждение конклавом дам.

Романы Гаскелл «женские»: они написаны женщиной, о женщинах и для женщин. Это подтверждает анализ двух, на первый взгляд, разноплановых романов писательницы: «Север и Юг» и «Крэнфорд».

Глава III. РОМАН «СЕВЕР И ЮГ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИЗАБЕТ

ГАСКЕЛЛ

§1. Роман «Север и Юг»: взгляд на современную Англию.

С первых страниц романа «Север и Юг» становится ясно, что произведения является не просто женским романом, а являет собой картину противостояние двух взглядов, двух полярных точек зрения, на один и тот же вопрос. При этом роман Элизабет Гаскелл "Север и Юг" долгое время не переводился на русский язык, и поклонники творчества довольствовались редкими частными переводами, которые, следует отметить, не искоренили, а подогрели интерес к творчеству Гаскелл в целом. Что так же имеет аналогию изданием романа самим автором. Изначально роман планировалось напечатать в журнале «Домашнее чтение», поэтому он был написан особенным образом, подходящим для еженедельных публикаций, то есть разделён на главы конкретного объёма. Это делалось для того, чтобы постоянно подогревать интерес читателей. Но несмотря на то, что Гаскелл отказывалась следовать, казалось бы, таким весьма несложным условиям, издатели решили оставить всё как есть, за исключением одного. Они вставили в текст дополнительные отрывки и несколько новых глав. На данный момент роман «Север и Юг» - история любви, рассказанная в лучших традициях викторианской литературы.

Одним из базовых признаков различия и противостояния Севера и Юга, в романе Гаскелл, является четкий не размытый контраст между прогрессивностью и консерватизмом, что подчеркивается даже через описание природы местности, особой атмосферы создающейся персонажами романа.

Маргарет Хейл, главная героиня романа, живет в живописной местности на Юге Англии. Богатство растительности, пышность мужской и женской одежды, ткани и кружево, слуги молчаливы и услужливы, все

характеризует провинциальный южный Хелстон, как традиционный чопорный юг Англии. Сама Маргарет пробыла там не долго, так как в основном воспитывалась у своей богатой тети Шоу, и росла рядом с кузиной Эдит, пока та не вышла замуж за капитана Леннокса. Сама Маргарет, отказывается от замужества по причине того что не любит, мистер Генри Леннокс, а относится к нему как к другу. Что демонстрирует нам главенство любви.

Мистер Хейл, отец семейства, отказывается от сана священника по религиозным разногласиям, и вынужден перевести семью в северный городок Милтон.

Фабричный Милтон описывается Элизабет Гаскелл через суету, загазованный воздух, грязные улицы, серые цвета одежды жителей. Что контрастирует с видами юга Англии. К тому же Маргарет становится свидетелем двух необычных диалогов жителей Милтона: во-первых это риелторы, которые сдают дом Милтонам, их диалог скрытен, полон недоговорок с использованием необычных для Маргарет имен и фамилий; во-вторых, диалога владельца фабрики мистера Торнтонна с его подчиненным. И тут мы видим контраст отношения между хозяевами и слугами на юге, где слово хозяина является приказом и его исполняют с почтением, но слуг уважают, знают по именам, и севере, где подчиненный ослушался владельца фабрики, получил за это взбучку и был уволен.

Мистер Хейл начинает работать частным учителем, и одним из его любимых учеников становится выдающийся промышленник мистер Торнтон, часто остающийся на чай у Хейлов. Маргарет испытывает неприязнь к Торнтону, поскольку видела его отношение с рабочими.

Каждый раз, когда мистер Торнтон остается на чай у Хейлов, между ним и Маргарет завязывается спор на тему отношений хозяев с рабочими, их права бастовать, а также на тему различий Хелстона и Милтона (севера и юга). Торнтон предстаёт перед Маргарет как бессердечный и жестокий хозяин фабрики, тогда как она видится ему высокомерной и слишком гордой,

хотя по негласным правилам Милтона, члены семьи со скромным достатком не должны вести себя надменно. Однако Маргарет сочувствует Торнтону, когда узнает, что его отец покончил с собой и за долги отца досталось расплачиваться сыну.

Тем временем Маргарет всё больше привыкает к жизни в Милтоне, обретая друга в лице мистера Николаса Хиггинса, фабричного работника, и его дочери Бесси, которой как и Маргарет, 18 или 19 лет. Бесси очень больна и умирает из-за того, что с раннего возраста работает на фабриках. Маргарет старается посещать эту семью как можно чаще, но заболевает её собственная мать, и визиты Маргарет к Хиггинсам становятся редкостью. В дом Хейлов вызывают доктора, который прогнозирует скорую смерть миссис Хейл.

Маргарет описывая моральное поведение Милтона использует такие фразы: «Здесь повсюду царят ссоры и злоба ...», « Наверно Бог забыл этот город ...», «Кажется, я видела ад.» [4, С.117]. Через эти фразы автор показывает, насколько неприятным для главной героини был этот город. Элизабет Гаскелл сама придумала город Милтон, взяв за его основу Манчестер, в котором жила, будучи женой пастора религиозной общины. Срисованный почти дословно с Манчестера Милтон видится нам глазами Маргарет, именно таким каким воспринимала его Элизабет. Читая роман «Север и Юг», мы на каждом шагу видим восхищение красотой природы, манерами людей, особенностями быта – юга; и негативное отношение к окружающей среде, неприязнь к манере взаимоотношения между хозяевами и рабочими.

Хотя мистер Торнтон уговаривает свою мать посетить Хейлов, она их недолюбливает и не желает видеть. Но в дом Торнтонов приходит сама Маргарет, чтобы одолжить водный матрас для своей больной матери по совету врача. Однако в это же время рабочие фабрик подняли мятеж, так как после продолжительной забастовки Торнтон отказался увеличить их зарплаты, а вместо этого привёз новую дешёвую силу из Ирландии. Бунтовщики ворвались за ограду дома Торнтонов, но ни полиции, ни солдат

рядом не оказалось, поэтому, чтобы защитить Джона от нападения, Маргарет упрашивает его выйти к народу, поговорить и успокоить его. Торнтон так и делает, но Маргарет понимает, что кто-то из толпы может бросить в него камень и закрывает его собой от удара. Камень попадает в Маргарет. Появляются солдаты и разгоняют бунтовщиков.

Торнтон считает, что Маргарет серьёзно ранена и осознает, что его чувства к ней всё ещё сильны. И на следующий день делает ей предложение, которое Маргарет отвергает, думая что это лишь благодарность за спасение. Что в очередной раз доказывает важность чувства любви для главной героини.

Своим отказом Маргарет навлекает на себя еще большую немилость миссис Торнтон.

В романе появляется брат Маргарет - Фредерик, беглый бунтарь объявленный в розыск, приехавший в Милтон повидать мать перед ее смертью. Уезжая Фредерик сбегает от полиции на вокзале. Мистер Торнтон видит Фредерика с Маргарет их и думает, что это возлюбленный Маргарет. Когда полиция приходит к Маргарет с распросами о происшествии, Торнтон, являясь мировым судьёй, закрывает дело за недостатком улик. В этот момент Маргарет понимает, что потеряла уважение в глазах Джона, и осознает, что влюблена в Торнтон.

Судьба снова дает Маргарет шанс стать жительницей Юга. Снова вернуться к любимой ею природе, к людям, жизни и быт которых для нее более привычны и приемлемы. Тетя Шоу и капитан Леннокс предлагают Маргарет поехать в Лондон, где её ожидает обеспеченная жизнь рядом с изнеженной кузиной. Мистер Белл, который обещал заботиться о Маргарет как о родной дочери, предлагает ей отправиться домой, в Хелстон, что они и делают. Маргарет понимает, что Хелстон уже никогда не станет таким, каким она его помнила. Мистер Белл вскоре умирает и оставляет Маргарет всё своё состояние, включая собственность в Милтоне.

Параллельно идет развитие сюжета на Севера на фабрике Торнтон, который обанкротился. Фабрика закрывается и мистер Торнтон отправляется к адвокату, мистеру Ленноксу, чтобы обсудить своё положение. Мистер Торнтон узнаёт от Николаса Хиггинса, что Маргарет защищала своего брата, который сейчас скрывается в Испании с молодой женой-испанкой. В завершении романа Торнтон и Маргарет возвращаются вместе и признаются друг другу в любви, наслаждаясь «неповторимой тишиной», так как фабрика не работает и не производит шума. Благодаря наследству Маргарет фабрика сможет продолжить свою работу.

Тем самым, в романе «Север и Юг» мы видим повествование о двух противоположных городах: о сказочно красивом и добродушном Хелстоне и промышленном Милтоне. Именно так себе и представляла ад молодая Маргарет - место, где с неба падает пепел, пепел из хлопка. Милтон - это город хлопковых фабрик, город нищих трудяг и богатых фабрикантов. Поэтому девушка не приветствует нового друга ее отца - молодого мистера Торнтон, который напротив попал под чары королевских манер Маргарет, молодой девушки с юга. Героям на протяжении романа приходится преодолевать множество предрассудков, учиться более широко и полно видеть мир, не делая его на черное и белое, на севере юг, учиться доброте и человечности.

§2. Сравнительный анализ провинции в романах Элизабет Гаскелл

«Крэнфорд» и «Север и Юг»

«Крэнфорд» и «Север и Юг» стали самыми известными произведениями Элизабет Гаскелл. Оба сюжета увлекательны, полны счастливых и трагических неожиданностей, вызывающих сильнейшие переживания, и специфическим английским юмором.

Произведение «Север и Юг» написано в традициях классической литературы. Оно находится вполне в рамках литературного стиля сестер Бронте и Джейн Остин.

«Север» характеризуется Элизабет, уроженкой Юга, как суетный и шумный центр промышленности с деловитостью и ускоренным жизненным темпом; независимостью отчужденности и поистине северной «холодностью» в общении; тогда как милый сердцу писательницы размеренный уклад южан выглядит более открытым и аристократичным. В названии произведения раскрывается его главная тема: противопоставление между деловой, индустриальной северной частью Британии и размеренностью жизни южной «зеленой Англии».

Промышленный английский Север XIX-го столетия глазами приезжей с Юга леди Маргарет Хейл в корне отличается от провинциального южного местечка Хелстон. Отец Маргарет, бывший пастор Хейл становится частным учителем промышленника мистера Торнтон. Мистер Торнтон постоянно спорит с Маргарет об отношениях фабрикантов и рабочих, а также о различиях южного Хелстона и северного Милтона. Торнтон, на первый взгляд, олицетворяет собой образ индустриального севера, бессердечного и жестокого, тогда как Маргарет является олицетворением южного, женского начала. Она ищет знакомства с простыми рабочими и заступает за них перед фабрикантом Торнтоном. Однако, знаменательным и символичным является то обстоятельство, что Маргарет с Торнтоном воссоединяются.

Эти два полюса отличны, главным образом, тем основополагающим укладом жизни, краеугольным камнем социума, который, соответственно, накладывает свой неизгладимый отпечаток на его членов. Гаскелл представляет на страницах книги те «две нации» книги «Сибилла, или две нации» Бенджемина Дизраелли, сумевшего отразить на страницах своих произведений кардинальное, характерное для викторианской Британии и всей Западной Европы явление – разделение на две «нации». Однако, в книгах Гаскелл речь идет не просто о вековечном западноевропейском

противостоянии имущих и бедных. Элизабет смотрит гораздо глубже, выводя этот конфликт от разницы в морально-нравственных устоях поклонников Мамоны и «старого, доброго» викторианского протестантизма родственного крэнфордскому приходу, где пастырем была мисс Дебора Дженкинс.

Неудивительно поэтому, что главные герои книги «Север и Юг» первоначально не понимают друг друга, ведь они – представители разных цивилизаций, как описывает их Гаскелл. Написание книг «Крэнфорд» и «Север и Юг» синхронно описываемому временному периоду, однако, не следует забывать, что даже на правдивости исторических хроник лежит отпечаток личности автора, а мы имеем дело с произведениями литературного творчества времен «Дракулы» Брема Стокера и «Франкенштейна» Мери Шелли.

Таким образом, произведение «Север и Юг» является не только описанием двух региональных укладов жизни Великобритании времен королевы Виктории, они являются также преломленной через призму писательского мировосприятия картиной мира и отношения к нему. Если «Север» живет по законам буржуазной идеологии, то «Юг» есть идеальная для Гаскелл среда сердечной доброты и добродетели. «Руфь» и «Мэри Бартон» относятся к произведениям, описывающим «северные» события, тогда как рассматриваемый в данной работе «Крэнфорд» – радикальное проявление произведений «южного» цикла.

Сочетание викторианской традиции литературного прозаического мастерства и увлекательного сюжета, любовного романа и реализма в описании жизни викторианской Британии конца XIX-го столетия объединяют «Север и Юг» и «Крэнфорд» – самые известные романы Элизабет Гаскелл.

Евангельскими заветами, такие как «не убий», «не прелюбодействуй», «любите врагов ваших», «не судите, да не судимы будете», «не противься злему», «просите, и дано будет вам» в романе «Мэри Бартон» озаглавлены его части. Религия, в итоге, становится здесь объединяющим героев началом. Однако, более поздние романы Гаскелл демонстрируют разногласия

конфессиональных групп викторианской Британии. В этих произведениях они накладываются на конфликты социального порядка, и духовные испытания героев. В книге «Руфь» Гаскелл пишет о диссентерах, людях, которые исповедуют неофициальные религиозные течения, таких, как пастор Бенсона и его прихожане. Теоретические разночтения христианской веры различных тенденций англиканской гонимой церкви показаны писательницей в романе «Север и Юг».

Это произведение Гаскелл интересно именно с этой позиции рассмотрения провинции викторианской Англии через призму взаимодействия религиозного и политического плана. Несмотря на обвинения Гаскелл в «женском» взгляде на мир, этот роман развивает политическую тему в гораздо большей степени, чем в «Мэри Бартон». Сами тематические переключки в описании рабочего союза чартистов и забастовок, эта книга поворачивает для рассмотрения изображение стачек как с точки зрения рабочих, так и с позиции фабрикантов новым ракурсом.

Индустриальное общество устанавливает в викторианскую эпоху новую форму взаимоотношений между людьми: «Те, кто установили новые мельницы и фабрики, мощные буржуа XIX века, нанимали на службу рабочих для запуска машин. Новые отношения стали доминирующими в английском обществе: между владельцами и исполнителями, боссами и рабочими, капиталом и трудом». [4, С.220] В соотношении с этой позицией поведения фабриканта Торнтон обосновано и рационально: он, как человек своего времени, озабочен не только своей материальной выгодой и индивидуальным превосходством, но и необходимостью безостановочного производства, которое он налаживал годами труда. Его речь свободна от оскорблений пролетариата, он даже заботится о его личной свободе и взаимовыгодном интересе: «Я полагаю, мои интересы идентичны интересам моих рабочих и наоборот». [5, С.149] Соотношение же религиозной и политической активности в провинциальном английском городе романа «Север и Юг» также неоднозначно. Мистер Хейл, отец Маргарет,

усомнившись в правильности догматов Англиканской церкви, отказывается от своего священнического сана: «Я страдаю во имя совести, мое дитя. Я должен делать то, что велит мне моя совесть», [4, С.44] – говорит бывший пастор своей дочери. Ересь Хейла перед лицом церкви делает его изгоем, и он становится частным учителем. Верность совести дорого обходится его семье, живущей в стесненных условиях после смерти миссис Хейл в Милтоне. Но пастор не изменяет своим убеждениям. В романе герои, проходящие через страдание, соединяются Гаскелл. Это отверженные, их взгляды противоречат требованиям церкви или интересам промышленников, и они объединяются. Но не для совместной борьбы, а для совместного моления бога в обители Хейлов. Так писательница дает понять, что находящиеся вдалеке от центра империи провинциалы находят утешение от политического и антицерковного протеста: «Маргарет – сторонница Церкви, ее отец – раскольник, Хиггинс – атеист, все вместе преклонили колени». [3, С.288] Однако, эта религиозность нестабильна в провинциальном обществе – Фредерик, сын пастора Хейла, берет в жены католичку и «удаляется от той религии, в которой был крещен». [5, С.318] Смерть бывшего пастора вообще закрывает религиозный мотив в произведении «Север и юг». «Крэнфорд», в отличие от этого романа, является произведением, изображающим жизнь и архаический порядок морально-нравственных устоев общества доиндустриального типа. Безнадежность положения, голод и безработица английских рабочих, описанные в романе «Север и юг», после прочтения описания крэнфордской идиллии воспринимаются более остро. В «Крэнфорде» писательница рисует утопический приют от социальных бурь, который кроется в британской провинции, описанной в лучших традициях правоописательной английской прозы. Однако, есть и существенные отличия от произведений Джейн Остен, насыщенных увлекательностью интриги, занимательным сюжетом, романтической любовью, авантюрной линией, сверхъестественными происшествиями. Люди в провинциальном Крэнфорде «живут, умирают, ссорятся, сплетничают, оказывают помощь друг другу,

сопереживают в беде. Мелочи жизни и большие по внутреннему смыслу события оказываются в равной степени достойными внимания». [2, С.274]

Нравоописательному роману, как жанру, свойственна фиксация неизменности характеров, стереотипов складывающихся обстоятельств, нравов и быта статично замершего общества. При этом произведение насыщено простотой, традиционностью, консервативностью старого доиндустриального мира. Необходимо отметить, что именно эти ценности провинциального, доиндустриального общества отражают представления англичан об идеальном обществе.

Провинциальный Крэнфорд романа Гаскелл сосредоточил в себе эти ценности. Притягательность этого маленького старозаветного городка заключается в описанной выше «выключенности» из сферы развивающейся индустриальной буржуазной промышленности Великобритании, описанной в «Севере и юге». Крэнфорд является воплощением покоя и тишины, его зеленые сады, трава, гуси, неспешная жизнь обывателей: старых дев и вдов, отставных капитанов и мелких чиновников: «За время моего отсутствия там никто не родился, никто не умер, и никто не сочетался браком. Все жили в прежних своих жилищах, и почти все носили те же отлично сохраненные старомодные платья». [2, С.54] Крэнфорд, на первый взгляд, ничем не примечательный городок, но, по сравнению с «грязным и вонючим» промышленным Манчестером, или его копией – Драмблом, соседствующим Крэнфорду, он предстает старозаветным оазисом, райским уголком «доброй старой» Англии, какой она была в былые времена. Все в этом городе: от домов архитектуры прошлого века, мебели, фамильных сувениров до пожелтевших семейных писем связано с XVIII столетием.

Писательница воспроизводит на страницах романа бытие далекое от социально-политических потрясений, спокойное и размеренное течение жизни. К персонажам книги писательница питает глубокую симпатию вперемешку с мягким юмором. «Крэнфордские амазонки» «знают все обо всех», однако, при этой информированности они не обращают внимание на

мнение «всех и вся», их одежда независима от текущей моды: «Что за важность, – говорят они, – как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?», [2,С.54] –и обратный тезис, используемый при выезде из города: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?» [2,С.54]

Изображая мир старых дев и вдов, которые поддерживают вид респектабельности, считая гроши и отказывая себе в самых необходимых вещах, Теккерей не преминул бы подчеркнуть нелепость их снобизма, традиционно унаследованные по генетической линии кастовые представления и предрассудки. Обитатели Крэнфорда и их старомодные привычки и причуды, незадетые современной жизнью, напоминают диккенсовских чудачков. Вероятно, Гаскелл сознает эту аналогию и ведет повествование с тонкой, едва намеченной иронией, которая придаёт описанию ощущение ненастоящего, нереального, игрушечного, детского бытия как, например, эпизод с ритуалом детского мяча, отражающий нелепость детских страхов мисс Мэтти: ложась спать, она с самого детства боится, что кто-то, спрятавшийся под кроватью, схватит ногу, и, чтобы противодействовать этому нападению, она каждый раз бросает под кровать мячик. Если он свободно выпрыгивает с другой стороны кровати, то можно спокойно ложиться, если нет, то Мэтти держится за шнурок сонетки, угрожая невидимой опасности, что позовет на помощь дюжих лакеев. К подобным навязчивым ритуалам относится, и церемония появления апельсинов на столе, «сумерничанье» при свете каминного огня.

Таким образом, жизнь Крэнфорда наполнена общепринятыми ритуалами и церемониями правил поведения. Желание Джесси Браун пойти на похороны отца получает решительный комментарий мисс Дженкинс: «Вы не можете быть там одна. Если я допущу подобное, это будет против и правил приличия, и человечности». [2,С.54] Подобное высказывание раскрывает основные принципы, на основании которых построено всё в провинциальном городе «старой Англии» – человечность и приличия. Этими архаичными для новой, промышленной Англии, устоями в корне отличается

Крэнфорд от Манчестера или Драмбла, упоминаемого в романе с целью демонстрации существования другой реальности, антимира с противоположными идеализированному обществу Крэнфорда морально-нравственными устоями. Необходимо отметить, что Гаскелл показывает в романе, что проводить предпринимательские операции возможно не только в рамках бесчеловечной алчности, но и на основании нравственности: это происходит на примере продажи чая мисс Мэтти, когда её простодушие не становится причиной разорения, что становится загадкой для отца рассказчицы, коммерсанта мистера Смита: «Такое простодушие, возможно, хорошо для Крэнфорда, но в большом мире оно до добра не доведет». И, наверное, большой мир весьма дурен, так как мой отец, подозревающий всех, с кем он заключает сделки, и принимающий всяческие предосторожности, тем не менее, только в прошлом году потерял из-за чьего-то плутовства более тысячи фунтов». [2,С.54]

В романах «Крэнфорд» и «Север и Юг» между провинциальным городом и крупным промышленным центром Гаскелл рисует четкий контраст. В произведении «Север и Юг» это контрастирующее противостояние стало сюжетообразующим. Писательница в этих романах противопоставляет консерватизм прошлого прогрессивному настоящему. Е. Ю.Гениева в труде «Эти загадочные англичанки» пишет, что именно этим объясняется манера писательницы изображать «исчезающий мир» с иронией и юмором в качестве «курьёзной действительности». [5,С.207]

Однако, несмотря на перечисленные странности, Крэнфорд реален, об этом говорит желание его жителей следовать моде, но Крэнфорд оригинален во всем и без этого. В этих маленьких особенностях присутствует определенная доля превосходства провинциального городка над другими городами остального мира, выраженная в вопросе в заключении истории коровы Бетси Баркер: «А вы в Лондоне когда-нибудь видели коров, одетых в серую фланель?» [2,С.54]

Представителем «другого» мира, модифицированного, коммерческого, становится в романе мистер Смитом, предприниматель из Драмбла, потратившего целый день на выход из затруднительного положения мисс Мэтти. Однако, его помощь малозначительна, поскольку старомодные «амазонки», следуя понятиям приличий и человечности, сами нашли способ материально помочь мисс Мэтти: преданная служанка обеспечивает её жильем; а Мэри подсказывает ей идею продажи чая. Таким образом Гаскелл демонстрирует, что традиционные человеческие ценности, «законсервированные» в провинции, становятся определяющим фактором при решении действительного несчастья.

Необходимо отметить еще один основной принцип, на котором зиждется архаичное общество – религию. Если в «Севере и Юге» религиозные вопросы являются отражением социальной борьбы, то обитатели Крэнфорда следуют ее устоям безоговорочно. Приметы религиозного верования появляются в повествовании только в те его моменты, когда этого требует традиция – при описании причащения перед смертью мисс Браун или в качестве ежедневного атрибута, всегда лежащего на столе у мисс Мэтти. Христианская вера в Крэнфорде родная и естественная, «сама мысль доказывать свою веру или защищать ее показалась бы им шокирующей». [1, С.245] Упомянутая выше библейская реминисценция, использованная в романе, подчеркивает морально-нравственные ориентиры обитателей уголка «старой Англии»: «Далее мне писала мисс Дженкинс – Дебора, ревниво оберегавшая свое библейское имя, которое дал ей ее покойный отец, от фамильярных сокращений. Я даже думаю, что она взяла свою библейскую тезку себе за образец, и, право, в ней было сходство с этой суровой пророчицей, разумеется, со скидкой на разницу в воспитании и различие в одежде». [15,С.54]

Сам язык и стиль повествования в «Крэнфорде» порой несколько архаичен, старомоден, что приближает читателя к образам предшествующего столетия и усиливает ощущение давно минувших дней прошлого.

Выражения, подобные оригинальному «sedan chair» – «портшез», «linking» – «идти под руку», «caps» – «чепцы», «followers» – «дружки служанок», придают книге особый колорит». [1, С.245]

Претензии дам провинциального общества на превосходство вкуса в одежде забавны и трогательны: «Если голова была спрятана под щегольским новым чепцом, наших дам, как и страусов, не заботила судьба их тела. Старенькие платья, белые почтенного возраста воротнички, множество брошей и вверху, и внизу, и спереди, и с боков (одни с нарисованными собачьими глазами, другие как золоченые рамки, охватывающие гробницы и плакучие ивы, искусно выложенные из волос а третьи – с миниатюрами дам и джентльменов, сладко улыбающихся из складок накрахмаленного муслина) – старые броши, как неизменное украшение, и новые чепцы, как дань моде: крэнфордские дамы всегда одевались с целомудренной элегантностью и строгостью, по удачному выражению мисс Баркер». [2,С.54]

В Крэнфорде, который, на основании единой религии; морально-нравственных устоев; относительной закрытости; строгого отбора неофитов; можно назвать общиной, царит общая бедность, однако на ней не заостряется внимание, более уделяемое благородству: «Мы, включая самых бедных, все были аристократичны. В крэнфордском обществе царил благотельный *esprit de corps* (фр.– корпоративный дух), и если чьи-либо усилия скрыть свою бедность не увенчивались полным успехом, никто не замечал их тщетности». [2,С.56]

Представители крэнфордского общества, в соответствии с заветами пуританизма, существуют по правилам «элегантной экономии». Стоявшая несколько часов у плиты миссис Форестер заявляет, что понятия не имеет, «что творилось у нее на кухне, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, и мы знали, что она знает, что мы знаем, как она все утро провела за изготовлением чайных хлебцев и бисквитных пирожков», [2,С.58]– художественная убедительность образов обитателей архаичного Крэнфорда основывается на том, что старозаветный уклад жизни провинциального

городка с его узостью и неподвижностью отрицает развращающее воздействие алчности и бездушного буржуазного деячества: «Мы никогда не говорили о деньгах, так как эта тема имела привкус торговли и ремесла... Там экономия всегда была элегантною, а денежные траты – вульгарной чванливостью».[1,С.61]

В романе «Север и Юг» писательница подметила стремление буржуазии приобщиться к аристократическому сословию. Аристократия является формой управления, то есть она обладает большей, нежели у управляемого класса, информационной осведомленностью, образованностью. Поэтому главный персонаж произведения богатый фабрикант мистер Торнтон, «мужчина в расцвете лет, которые решительно признавали собственное невежество и намеревались освоить то, что им следовало освоить гораздо раньше», [4, С.85] и начинает изучать историю античного мира, языки и литературу с помощью наемного учителя. В «Крэнфорде» писательница с юмором описывает желание обитателей городка продемонстрировать свою образованность «посредством использования латыни и бесполезность этого «мертвого» языка в повседневном общении» [2, С.255]: «Священник вновь взялся за перо и подновил свою латынь, дабы переписываться с сыном. Было очевидно, что письма мальчика писались по образчику. Они... повествовали... о различных его интеллектуальных устремлениях и чаяниях, время от времени подкрепляемых цитатами из древних авторов... Конечно, я мало что знаю о латыни, и, возможно, это великолепный язык, однако мне кажется, он не слишком полезен... Например, «На твоей карте Ирландии этого города нет, но Bonus Bernardus non videt omnia (Добрый Бернард видит не все (лат.)) как гласят Proverbia (Пословицы(лат.))».[2,С.98-99]

Таким образом, Гаскелл в своих произведениях демонстрировала составляющие основ любого общества, в соответствии с которыми ведут себя жители Крэнфорда, и вопреки которым возникают страдания в «Севере и Юге». Крэнфорд вызывает ассоциации с умиротворяющей средой;

защищенностью и стабильностью; бытием управляющимся законом, традицией и четким разделением доброго и злого. Крэнфорда свободен в равной степени как от нищеты, так и от навязчивых идей прогресса, полностью поглотивших умы нового индустриального общества. Главной героине романа пришлось выбирать между этими двумя мирами – между нравственным прошлым и коммерческим, промышленным будущим. И, хотя, в силу ряда причин, она не может остаться в прошлом, её привязанность к идеалам человечности, также, как и у самой Гаскелл, навсегда остались в мире Крэнфорда.

Заключение

Литература викторианской Англии стала основой последующих традиций литературы Великобритании. Литература этого периода – золотой фонд английской литературы, ставший высокой классикой мировой культуры. Викторианский социальный роман – литературный архетип, рассматриваемый в качестве совокупности всех признаков викторианской эпохи.

Исследовав особенности викторианской эпохи и литературы времён правления королевы Виктории, мы пришли к выводу, что термин «викторианский» связан, прежде всего, с выдающейся женщиной-правителем Британии королевой Викторией, остававшейся на троне 64 года. Это одно из наиболее исторически значимых правлений, о котором не только сложены легенды, но и написано множество художественных, исторических романов, так как эта женщина подарила Великобритании не только стиль и свое имя для топонимики и названий кораблей, университетов и исторических побед, но и невероятный пример женского мужества, бдительности, чуткости, которые могли изменить ход истории государства.

За этот период в Великобритании произошло множество историко-социальных перемен. В стране вдвое увеличилось население; она получила огромные колониальные владения; была налажена торговля; так называемая «индустриальная революция» дала свои результаты; развивается мелкий бизнес; происходит становление различных государственных и религиозных институций. Время правления Виктории представляет собой эру в истории Британии, получившую одноименное название, ставшее символом мощи Великобритании.

Английская викторианская литература формируется с середины XIX столетия. Общество жаждет необычных впечатлений. Как насыщен был викторианский интерьер, так и насыщен был книжный рынок в

Великобритании. Это были произведения самых разнообразных жанров. Кроме того, появилась масса произведений учебного и узкоспециального назначения.

В XIX столетии роман стал ведущим жанром в литературе Британии. О социальной жизни Британии XIX столетия можно судить по произведениям Чарльза Диккенса и Уильяма Мейкписа Теккерея. Эти произведения говорят вдумчивому читателю не только открыто о явном, как, например, об официальных британских исторических событиях; о парламентской, политической борьбе; рабочем движении, но и подспудно обозначают мелкие, не бросающиеся в глаза подробности викторианской эпохи, которые касаются непосредственно темы данной работы.

В то же время, растет количество художественных произведений, написанных женщинами-писательницами. Английские писательницы вызвали живой интерес у различных читателей и в Великобритании сформировались такие столпы традиция «высокой» литературы как: Джордж Элиот, Джейн Остен, Мери Шелли, сестры Бронте и Элизабет Гаскелл.

Роман викторианской эпохи по сравнению с современным ему французским романом обладает меньшей ясностью и композиционной разграниченностью. Жанровая тематика романа карьерного типа встречается в литературе викторианского времени реже, чем во французской, поскольку герой викторианского романа – более заурядный человек, он не сжигает внутренними страстями, не бросает вызов миру, а желает найти свое место в существующем социально-политическом устройстве.

Весь разнообразный мир викторианской литературы, несмотря на задаваемый правящими кругами тон благополучия, являлся отражением истинного нелюбимого общественно-политического состояния Британской империи, однако он не призывает к кардинальной переделке мирового порядка.

Наглядные впечатления от тяжелых условий жизни пролетариата; чартистская борьба за их права не могли не оказать влияния на творчество

писательницы, как, например, роман «Север и Юг» представляет собой отражение этих первых впечатлений Гаскелл от условий обитания и тяжелого труда пролетариата в Манчестере. Сама Элизабет Гаскелл совмещала в себе идеалы викторианства. Она, в пример другим женщинам-романистам того времени, с успехом совмещала обязанности хранительницы домашнего очага, матери четырех девочек, с активной социально-культурной деятельностью писателя, учителя. Произведения Элизабет Гаскелл также разнообразны в жанровом и тематическом планах.

Творчество Элизабет Гаскелл представлено социальными романами, отражающими классовое противостояние эпохи чартизма.

Проанализировав нравы провинции в романах «Крэнфорд» и «Север и Юг» и сопоставив сходства и различия жизненного уклада этих романов мы можем сделать вывод, что Крэнфорд – город женщин, где правит матриархат. И пусть местные «амазонки» не берут в руки оружия, то это только потому, что нет подобающей причины. Город погружен в умиротворенную, благостную и добродетельную атмосферу.

Мир Крэнфорда далеко не исчерпывается фантастическим бытом благоденствующей окраины империи. Описание закрытого мира Крэнфорда сменяется вполне реальным срезом жизни викторианского общества, сословное разделение в котором воздействует на формирование всех социума.

Роман «Север и Юг» представляет собой картину противостояние двух взглядов, двух полярных точек зрения, на один и тот же вопрос.

В романе Гаскелл, виден четкий неразмытый контраст между прогрессивностью и консерватизмом, что подчеркивается даже через описание природы, местности, особой атмосферы, создающейся персонажами романа.

В романах «Крэнфорд» и «Север и Юг» между провинциальным городом и крупным промышленным центром Гаскелл рисует четкий контраст.

В произведении «Север и Юг» это контрастирующее противостояние стало сюжетообразующим.

Представители крэнфордского общества, в соответствии с заветами пуританизма, существуют по правилам «элегантной экономии».

В романе «Север и Юг» писательница подметила стремление буржуазии приобщиться к аристократическому сословию. Аристократия является формой управления, то есть она обладает большей, нежели у управляемого класса, информационной осведомленностью, образованностью.

Таким образом, Гаскелл в своих произведениях демонстрировала составляющие основы любого общества, в соответствии с которыми ведут себя жители Крэнфорда, и вопреки которым возникают страдания в «Севере и Юге». Крэнфорд вызывает ассоциации с умиротворяющей средой; защищенностью и стабильностью; бытием управляющимся законом, традицией и четким разделением доброго и злого. Крэнфорда свободен в равной степени как от нищеты, так и от навязчивых идей прогресса, полностью поглотивших умы нового индустриального общества. Главной героине романа «Север и Юг» пришлось выбирать между этими двумя мирами – между нравственным прошлым и коммерческим, промышленным будущим. И, хотя, в силу ряда причин, она не может остаться в прошлом, её привязанность к идеалам человечности, также, как и у самой Гаскелл, навсегда остались в мире Крэнфорда.

Библиография

1. Гаскелл Э. Крэнфорд. / СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
2. Гаскелл Э. Крэнфорд. / СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 1853.
3. Гаскелл Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ.Т. Кудрявцевой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013(а).
4. Гаскелл Э. Север и Юг. / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012,
5. Гаскелл Э. Север и Юг. / СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 1855.
6. Гениева Е. Эти загадочные англичанки. / М.: Прогресс, 2002. 1
7. Гаскелл Э. Крэнфорд. / "Художественная литература", 1973
8. Гаскелл Э. Мэри Бартон. / М.: Государственное издательство художественной литературы, 1983.
9. Возмилкина В. О., Доценко Е. Г. Испытание героев политикой и религией в романах Э.Гаскелл. / Филологический класс № 4 (30); 2012.
10. Вебер М., Дунаев. / М., Капитализм и этика. М.: Прогресс, 1990.
11. Вебер М., Протестантская этика и «дух капитализма». / М.: Прогресс, 1990.
12. Возмилкина В.О., Доценко Е.Г. Испытание героев политикой и религией в романах Э. Гаскелл // Политическая Лингвистика, 2014 №4.
13. Возмилкина В.О., Доценко Е.Г. Провинциальные нравы и суеверия в романе э. Гаскелл «Крэнфорд» и его телеинтерпретации // Филологический Класс, 2012 №4.
14. Гроссман Л. Достоевский и чартистский роман, 1979 №4.
15. Доценко Е.Г. Политические взгляды в романах Э. Гаскелл // Политическая Лингвистика, 2014 №
16. Елистратова А.А. Элизабет Гаскелл. // История английской литературы т. II, вып. II / Под ред. И.И. Анисимова, А.А. Елистратовой, А.Ф. Иващенко, Ю.М. Кондратьева. М.: АН СССР, 1985.
17. Елизарова М. Е. и др. История зарубежной литературы XIX века. Шарлотта Бронте и Элизабет Гаскелл. / М., «Просвещение», 1992 г.

18. Елизарова М. Е.. Зарубежная литературы XIX века: Шарлотта Бронте и Элизабет Гаскелл. / М., «Просвещение», 1992 г.
19. Елистратова А. А. История английской литературы. Том II. Выпуск второй.
20. Елистратова А. А. Гаскелл. История английской литературы. Том II. Выпуск второй, Глава 6.,
21. Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. / М., «Наука», 1986.
22. Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. / 2-е изд. доп. / М.: Худож. лит. 1990.
23. История зарубежной литературы XIX века. / Н.А. Соловьева, В.И. Грешных, А.А. Дружинина и др.; Под ред. Н.А. Соловьевой. М.: Высшая школа, 2007.
24. Колеман Д. Комитет 300. / М.: Витязь, 2001.
25. Коути Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии. / М.: ЗАО Издательство Центрополиграф, 2011
26. Картленд Барбара. Таинство любви сквозь призму истории. 2001.
27. Лакан Ж., Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957/58). — М.: Гнозис/Логос, 2002.
28. Московичи С., Машина, творящая богов. / М.: Худож. лит. Центр психологии и психотерапии, 1998.
29. Михальская Н. П., Аникин Г. В. М.: История английской литературы Элизабет Гаскелл. / М., «Наука» 1983.
30. Михальская Н. П., Аникин Г. В. Элизабет Гаскелл. / М.: Наука. История английской литературы. (Elisabeth Gaskell, 1981-1989)
31. Соловьева Н. А., В. А. Миловидов, Л. С. Спицына. / М.: Худож. лит. Английская литература: Реализм. Э. Гаскелл. 1991.
32. Отечественные записки, №8, 1991г. Цит. по: Чернявская Н.Э. М.: «Просвещение». Англичанки-романистки в оценке русских критиков. № 6-2 (37) / 2015

33. Рыжкова Е.К. Духовность и духовное развитие в романах Элизабет Гаскелл, / М., «Просвещение» 2010 № 4.
34. Соловьева Н. А., Миловидов В. А., Спицына Л. С./ М.: Прогресс
Английская литература: Реализм. Э. Гаскелл. 1991.
35. Спицына Л.С. / М.: Худож. Лит. Реализм в английской литературе. 1991.
36. Телегина О.В. Патриархальные мотивы в романе Элизабет Гаскелл «Крэнфорд» // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского, выпуск № 1-2 / 2012
37. Телегина О.В. Роман Э.Гаскелл в социокультурном контексте викторианской эпохи. /М.: Искусство. Филология и культура. Philology and culture. 2013. №2(32).
38. Телегина О.В. Романы Э.Гаскелл в социокультурном контексте викторианской эпохи (к проблеме образования)//М.: Филология И Культура, 2012 №2(32).
39. Телегина О.В. Патриархальные мотивы в романе Элизабет Гаскелл «Крэнфорд». / М.: Филология И Культура. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, №1 (2)
40. Урнов Д.М., Дефо. М.: Прогресс. Серия биографий. 1993.
41. Фирсова М.Ю. Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл «Руфь». / М., «Просвещение» 2010 №4.
42. <http://knigosite.org/library/read/22526>
43. <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/449>
44. http://modernlib.ru/books/urnov_dmitriy/bilanin/read8/
45. <http://gaskellsociety.co.uk/>
46. http://modernlib.ru/books/timphin/read_15/
47. http://www.e-reading.by/chapter.php/26145/9/Kartlend_-_Tainstvo_lyubvi_skvoz%27_prizmu_istorii.html
48. <http://gaskellsociety.co.uk/>
49. <http://enc-dic.com/modern/Viktorija-victoria-1819-1901-15154.html>

50.

[http://www.e-reading.by/chapter.php/26145/9/Kartlend
_Tainstvo_lyubvi_skvoz%27_prizmu_istorii.html](http://www.e-reading.by/chapter.php/26145/9/Kartlend_Tainstvo_lyubvi_skvoz%27_prizmu_istorii.html)